

В декабре 1946 г. в Москве сектором фольклора была проведена дискуссия, посвященная проблеме взаимоотношений фольклора и литературы. Тезисы дискуссии записаны проф. П. Г. Богатыревым. В дискуссии приняли участие фольклористы Москвы, Тулы и других городов: М. И. Богданова (Фрунзе — Москва), А. М. Новикова (Тула, Пединститут), А. В. Позднеев (Москва, Полиграфический институт), И. Н. Розанов и В. М. Сидельников (Москва, Институт мировой литературы им. Горького АН СССР), С. М. Нейдинг (Всесоюзная библиотека им. В. И. Ленина), Робинсон (МГУ), Э. В. Гофман-Померанцева, Е. В. Гиппиус, В. И. Чичеров (Институт этнографии) и др. Материалы дискуссии готовятся к печати.

Помимо сессий и конференций, организованных Институтом для обсуждения исследовательских работ сотрудников, на заседаниях секторов систематически ставились доклады. Докладчиками являлись и научные сотрудники Института, и специалисты в области этнографии, фольклора и антропологии, не состоящие в его штате, но связанные с ним разрабатываемой проблематикой. Всего на заседаниях секторов в 1946 г. было обсуждено 78 научных работ.

Очень значительной была работа Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого. Музей, возобновивший свою работу лишь к 220-летию юбилею Академии Наук СССР, развернул экспозиционную деятельность в основном в 1946 г. За истекший год восстанавлены экспозиции: «Происхождение человека и развитие первобытного общества», «Народы Африки», обновлена экспозиция «Болгария», открыты для обозрения выставки: «Кочевые народы Средней Азии», «Народы Афганистана, Ирана и Передней Азии», «Айны», «Народы Индонезии», выставка, посвященная 100-летию со дня рождения Н. Н. Миклухо-Маклая, и начата организация Ломоносовской выставки. По ряду технических причин Музей был открыт для посетителей только с 1 мая. До этого для обозрения были доступны только два зала — «Искусство народов Сибири». Музей привлек большое число посетителей. Несмотря на то, что он был открыт только два раза в неделю, за 9 месяцев его посетили 13 192 чел. Помимо показа отдельных экспозиций проводились тематические экскурсии: «Жизнь и деятельность Н. Н. Миклухо-Маклая», «Народы холодных и жарких стран», «Великие путешественники-исследователи», «Первобытное общество», «Игры и обычаи народов Средней Азии, Китая и Японии» (по заказу Института им. Герцена) и др. Коллективом сотрудников всех отделов Музея систематически велась работа по учету и хранению коллекций. Эта внутренняя работа требовала тем большего напряжения сил, что приходилось восстанавливать то, что было разрушено во время блокады Ленинграда.

За истекший год Институтом значительно расширена работа по подготовке научных кадров. В 1946 г. кандидатскую аспирантуру закончили 10 чел., докторскую — 2 чел. На 1 января 1947 г. в аспирантуре Института состоит 44 чел. (в том числе 10 в докторской) и 3 чел. прикомандированы для сдачи кандидатского минимума. За 1946 г. было принято в кандидатскую аспирантуру 15 чел., в докторскую — два.

В кратком журнальном отчете невозможно дать полное и подробное освещение всей работы Института. Приходится опустить многие детали, иногда весьма существенные. Дополнения можно найти в «Кратких сообщениях» Института этнографии и на страницах журнала «Советская этнография».

В. Чичеров

ПОЛЕВЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ ИНСТИТУТА ЭТНОГРАФИИ в 1946 г.

Экспедиции института в 1946 г. в значительной степени явились продолжением полевых исследований прошлых лет. Первоначально намеченный план экспедиционных работ был значительно расширен в связи с поступающими от научных учреждений союзных и автономных республик предложениями об организации этнографических исследований на местах; ряд экспедиций был организован Институтом этнографии совместно с республиканскими учреждениями.

Как и в 1945 г.¹, экспедиции Института работали в разных районах нашей страны и носили, как правило, комплексный характер: этнографические работы проводились в контакте с антропологическими и, частично, с археологическими исследованиями. Такое комплексирование работ, проводящихся по одному плану, имеет не только организационные преимущества, но исходит из общей программы исследований Института этнографии, в которых значительное место занимает изучение вопросов этногенеза.

Наиболее крупные работы в 1946 г. проводились в Средней Азии. Хорезмская археолого-этнографическая экспедиция, проводившаяся соз-

¹ Об экспедициях 1945 г. см. «Советская этнография», 1945, № 1; отчеты о наиболее значительных из этих экспедиций помещены в «Кратких сообщениях» Института этнографии, вып. 2 и 3.

местно с Институтом истории материальной культуры АН СССР, Академией Наук Узбекской ССР и Институтом истории, языка и литературы Каракалпакской АССР, под руководством проф. С. П. Толстова, в 1946 г. охватила очень обширную территорию и ознаменовалась рядом выдающихся открытий. Экспедиция работала в составе основного — археологического и трех этнографических отрядов. Археологический отряд (руководитель проф. С. П. Толстов, его помощники: Я. Г. Гулямов и М. А. Орлов, художник — Н. П. Толстов, архитектор В. И. Пентман, археологи М. Г. Воробьева, Н. Н. Вактурская и др.) работал с июля до ноября. Археологические исследования включали как стационарные раскопки ранее открытых памятников, так и широкую разведку, в которой впервые в практике советских археологов широко были использованы аэрофотосъемка и комбинированное обследование большой территории авиа- и автомаршрутами. Стационарная работа была связана в основном с раскопками замка города-крепости Топрак-кала, которые велись под руководством начальника экспедиции С. П. Толстова в течение полутора месяцев при участии научных и научно-технических сотрудников. Раскопками вскрыто 28 помещений замка, общей площадью около 2 000 кв. м. Обнаружены многочисленные фрагменты расписной штукатурки, украшавшей внутренние помещения замка. Роспись на стенах плохо сохранилась, но в обвалах штукатурки, в несколько слоев покрывавшей полы комнат, удалось после тщательной расчистки обнаружить целый ряд крупных фрагментов с росписью. Наибольший интерес представляют фрагменты с изображением аркистки, сборщицы винограда и др., а также панно, сохранившееся в нише одной из комнат. Эти памятники искусства III в. н. э., найденные на данной территории впервые, имеют очень большое значение для истории искусства Средней Азии. Большой интерес представляют проведенные параллельно основным раскопкам шурфовки стен и башен городища, вскрывшие ценные детали в конструкции крепостных стен, в характере кладки и строительного материала. Раскопки доставили большое количество керамики, в том числе и целых сосудов, а также монет и других материалов. Особый интерес представляет торс алебастровой женской статуэтки и вызолоченный бронзовый пояс со вставками из цветного стекла.

Разведывательные маршруты охватили четыре района. В Турткульско-Шаббазском районе, на границе культурной полосы и пустыни Кара-Кум, удалось, благодаря применению авиаразведки, тщательно изучить систему древней ирригации этого района, обнаружить и произвести аэрофотосъемку ряда крепостей и замков. Комбинированная авто- и авиаразведка плато Усть-Урт дала очень интересные результаты: здесь открыта дорога X—XI вв. с колодцами и караван-сараями, ведущая из Хорезма на Волгу. Особо надо отметить один из караван-сараяев этой дороги — Белеули. Здание сложено из крупных блоков камня с изображением в плоском рельефе на тимпанах входной арки двух львов в сасанидской манере. На юго-восточных обрывах Усть-Урта открыта система сигнальных каменных башен и ряд укреплений X в., оборонявших стены с плато. В Кара-Кумах проведено четыре маршрута. Открыт ряд интересных памятников и сооружений, собран материал по планировке таких крупных комплексов, как Гяур-кала, Шах-Сенем и др. Посадка самолетов у открытых с воздуха объектов дала возможность дополнить аэрофотосъемку наземными обмерами и сбором материала. Разведка сухих русел Жаны-Дарьи и Куван-Дарьи производилась комбинированно авиа- и автомаршрутами от г. Нухуса на Аму-Дарье до Кызыл-Орды, Джусалы и Казалинска на Сыр-Дарье. В этом районе открыто большое число памятников, относящихся к различным культурным периодам от V в. до н. э. до XVIII в. н. э.

Предварительный отчет об археологических исследованиях 1946 г. подготавливается к печати и должен отметить 10-летний юбилей Хорезмской археологической экспедиции, начало которой было положено в 1937 г.

Этнографические работы Хорезмской экспедиции велись тремя отрядами. Каракалпакский отряд под руководством Т. А. Жданко производил обследование среди каракалпакского населения наименее изученных районов Каракалпакской АССР, Муйнакского и Кунградского, продолжая начатое в 1945 г. планомерное этнографическое изучение каракалпаков дельты Аму-Дарьи. Передвигаясь на лодках и самолетах ПО-2, отряд смог посетить ряд каракалпакских селений, расположенных между камышевыми зарослями и многочисленными протоками дельты. В результате работ 1946 г. каракалпакский этнографический отряд собрал значительный материал по расселению каракалпаков, дающий возможность составить подробную этнографическую карту северной части Каракалпакии, а также историческую карту, характеризующую историю заселения каракалпаками в XVIII—XIX вв. низовий Аму-Дарьи. В дополнение к материалам прошлого года собраны данные об общественно-бытовом укладе каракалпаков в XIX—начале XX в., в частности, о пережитках общинно-родового строя; описана система родов и племен многочисленного племенного союза Кунград, охватывавшего около 25% каракалпаков Хорезма; собран очень значительный материал по семейному строю, номенклатуре родства и другим сторонам быта; подробно изучена материальная культура и искусство (ковровые изделия, резьба по дереву, ювелирные украшения и т. п.).

Северноузбекский этнографический отряд под руководством К. Л. Залыжиной производил изучение узбеков Северного Хорезма, пройдя по мар-

шруту от Нового Ургенча на север по левому берегу Аму-Дарьи (города Хорезмской области: Гурлен, Мангыт и Каракалпакской АССР: Кыпчак, Ходжейли, Кунград и Кунградский район). Основное внимание было уделено изучению еще сохранившихся в памяти стариков сведений о родоплеменном составе узбеков Северного Хорезма. Эта работа была подчинена задаче выявления историко-культурных и этнических связей, существовавших, как это теперь выяснено, между северными узбеками и каракалпаками еще до заселения ими территории Хорезма. Таким образом параллельная работа в одном Кунградском районе по изучению каракалпаков и узбеков, принадлежавших в прошлом к одним и тем же родоплеменным объединениям (системы Кунград), дала весьма плодотворные результаты.

Южноузбекский этнографический отряд под руководством М. В. Сазоновой производил изучение узбеков южной части Хорезмской области Узбекской ССР. Эти узбеки, не знающие родоплеменного деления, могут рассматриваться как потомки древних хорезмийцев, тюркизированных в течение своей многовековой истории. Работа отряда производилась в окрестностях г. Хивы, в Хазарасиком и Ханнинском районах. Собран богатый материал, выявляющий традиции древней и средневековой хорезмской культуры как в области материальной культуры (типы поселений, жилище, одежда, орнамент), так и в области общественного строя, семейного быта и верований. В целом этнографические работы Хорезмской экспедиции тесно связаны с основными ее задачами — изучением древнего Хорезма.

Киргизская этнографическая экспедиция, работавшая под руководством ст. научн. сотрудника института этнографии С. М. Абрамзона, проводилась по плану Киргизского филиала АН СССР. Работы производились в Тогуз-Тороусском, Акталинском и, отчасти, Куланакском районах Тяньшанской области по широкой программе, предполагающей монографическое описание населения. Собран обширный материал по материальной культуре киргизов, по старым формам социальных отношений, семейной жизни, обрядности и т. д. Большой интерес представляют записи по народной медицине, по доисламским верованиям, данные о существовавшей в прошлом среди киргизов религиозной общине суфийского направления «Алка» и др. Отряд экспедиции в составе научн. сотр. института этнографии Е. И. Маховой, аспирантки А. В. Стрениной и сотрудницы Музея национальной культуры Киргизского филиала АН СССР К. П. Антипиной работал в Буденновском и Кировском районах Таласской области. Е. И. Махова собирала материал по теме своей диссертации, посвященной жилищу киргизов. А. В. Стренина собрала антропологический материал по киргизам и дунганам.

Среднеазиатская антропологическая экспедиция, под руководством М. Г. Левина и при участии сотрудников Н. П. Дебец и И. В. Захаровой, имела целью антропологическое обследование корейцев, казахов и уйгуров. Корейцы, переселившиеся в Среднюю Азию из районов Дальнего Востока в 30-х годах нашего столетия, обследовались в районах Самарканда, Ташкента и Кзыл-Орды. Основная масса их связана по происхождению с Северной Кореей. Обследование корейцев было предпринято в связи с проводимыми Институтом этнографии большими работами по антропологии Восточной Азии. Собранные материалы (обследовано около 700 чел.) существенно дополняют имеющиеся в литературе скудные сведения по антропологии корейцев и представляют большой интерес для этнической антропологии соседних народов, особенно японцев. Уйгуры обследовались в Алма-Атинском и Чилийском районах (около 400 чел.), киргизы — в Алма-Атинской и Кзыл-Ордынской областях (около 500 чел.). Впервые по обширной программе собраны вполне сравнимые материалы по казахам б. Большой и Малой орды. Обследование 1946 г. кладет начало сплошной антропологической съемке Казахстана, которую намечено провести совместно с Академией Наук Казахской ССР.

Научная сотрудница Института этнографии Е. М. Пещерева принимала участие в работах Согдийско-Таджикской экспедиции Института истории материальной культуры АН СССР и собирала этнографические материалы в районах Файзабада и правобережья р. Вахш. Научная сотрудница Института С. П. Русайкина работала в Гармском районе Таджикской ССР. Ею собран большой и весьма ценный материал по теме ее диссертации, посвященной одежде таджиков. Аспирант Института Г. Г. Стратанович продолжал начатое им в прошлые годы этнографическое изучение дунган. В 1946 г. работа проводилась в среде Ошской группы, о которой в существующей литературе этнографические данные полностью отсутствуют. Собран значительный материал по вопросу о происхождении этой группы дунган, их истории, культуре и современном положении. Аспирантка Т. А. Станюкович работала в Георгиевском и Сайрамском районах Южно-Казахстанской области и в Мирзачульском районе Узбекской ССР, где проводила изучение жилищ русских переселенцев. Переселение русских и украинцев в указанные районы началось с 70-х гг. прошлого столетия, и изучение их культуры и взаимовлияний с местным населением представляет значительный интерес.

Полевые работы в Сибири проводились на Чукотке, в Якутии и в Хакассии. Руководитель Северо-восточной экспедиции Г. Ф. Дебец продолжал антропологическое обследование чукчей, эскимосов и ламутов Чукотского полуострова, в основном закончив антропологическую съемку этой, до настоящего времени

совершенно неизученной территории. Летом 1946 г. Г. Ф. Дебец произвел в целях сбора дополнительного материала антропологическое обследование аларских бурят. Собранный им материал (обследовано около 300 чел.) представляет самостоятельный научный интерес, давая первую подробную антропологическую характеристику западных бурят. В ноябре 1946 г. Г. Ф. Дебец вылетел для продолжения работ Северо-Восточной экспедиции и в настоящее время проводит антропологическое обследование коряков и ительменов. Таким образом Институт приближается к завершению поставленной задачи — антропологического обследования по единой программе и методике народов Тихоокеанского побережья, от Китая и Японии на юге до Чукотки на севере.

План Северо-Восточной экспедиции, проводимой совместно с Институтом истории материальной культуры АН СССР, предусматривает и широкие археологические работы. В 1946 г. А. П. Окладников и В. Д. Запорожская производили обследование и раскопки древних корякских поселений в окрестностях г. Магадана, на острове Ольском, полуострове Кони и в Атаргане (Охотское побережье). Ими обследована также долина р. Колымы от Среднекана до устья, где найдены неолитические стоянки и раскопано три жилища древнеэскимосского типа на Большом Барановом мысе, к востоку от Колымы.

По поручению Института проф. Н. Ф. Яковлев совершил командировку на Южный Сахалин для обследования айнов. Помимо лингвистических материалов им собраны подробные данные по численности и расселению айнов, этнографические сведения, а также закуплена небольшая этнографическая коллекция, переданная в Музей антропологии и этнографии.

Этнографическая работа в Якутской АССР в 1946 г. проводилась сотрудниками Института этнографии С. В. Ивановым и О. В. Ионовой по совместному плану с Институтом языка, литературы и истории Якутской АССР. С. В. Иванов был занят изучением народного изобразительного искусства якутов по памятникам XVIII, XIX и XX вв. и ознакомлением с состоянием народного искусства их в настоящее время. Собранный в течение двухмесячной командировки материал позволяет наметить в общих чертах картину развития якутского народного изобразительного искусства на протяжении двух с половиной столетий. В нем можно установить элементы палеоазиатского искусства (особенно в материалах XVIII в.), эвенкийского, тюрко-монгольского (в широком смысле) и, наконец, русского искусства. Намечены мероприятия по дальнейшему развитию народных художественных ремесел якутов. О. В. Ионова продолжала работу над архивными материалами якутских хранилищ и дополняла этнографический материал дляготавливаемой ею монографии по якутам. Продолжить начатые в 1945 г. антропологические работы в Якутии в 1946 г., к сожалению, не удалось, и они продолжают оставаться одной из первоочередных задач антропологических исследований в Сибири.

Хакасская этнографическая экспедиция, организованная совместно с Хакасским институтом языка, литературы и истории, работала под руководством Л. П. Потапова в бассейне р. Тея (левый приток Абакана), в районе расселения сагайцев. В результате первого полевого сезона работы экспедиция собрала обширный материал по различным областям культуры и быта сагайцев. Выдающийся интерес представляют данные по родовому составу и истории отдельных родов. На основании этнографических материалов и новых архивных данных выясняется условность термина «сагайцы», этническое единство сагайцев с шорцами, что позволяет по-новому подойти к решению проблемы этногенеза хакасов. Следует также особо отметить собранные экспедицией материалы по древним религиозным представлениям и культуре хакасов, а также по общественным отношениям дореволуционного периода. Исследования Хакасской экспедиции, в которой приняли участие и местные работники (В. И. Доможаков, П. И. Каралькин, А. Н. Липский и Ю. А. Шибаева), намечено продолжить в 1947 г.

Переходим к экспедиционным работам на Кавказе. Дагестанская экспедиция под руководством Е. М. Шиллинга проводила в 1946 г. свой третий полевой сезон. Экспедиция работала двумя отрядами. Северный отряд, под руководством Е. М. Шиллинга и при участии сотрудников Академии архитектуры Г. Я. Мовчана, аспирантки Ю. В. Ивановой и студентов кафедры этнографии Московского государственного университета, работал в Западном Дагестане среди народов так называемой андийской группы. Эта группа, включающая 8 народностей (андийцы, бутлихцы, годоберинцы, багуалы, тядийцы, чамалалы, каратинцы и ахвахцы), наиболее крупной из которых являются собственно андийцы, почти не изучена в этнографическом отношении. Экспедиции удалось в значительной степени заполнить этот пробел и собрать материалы для этнографической характеристики отдельных народностей и группы в целом. В этнографическом отношении эти народности оказываются значительно более близкими между собой и с соседними группами аварцев, чем в отношении языка, и этнографическая классификация народов Западного Дагестана не совсем совпадает с лингвистической. Особо надо отметить подробнейший материал по этнонимике, вносящий значительные коррективы в существующую по данному вопросу литературу. Только на основе экспедиционных материалов явилась возможность написания отдельных небольших монографий по каждому народу для

подготовленного Институтом в 1946 г. тома серии «Народы мира», посвященного Кавказу.

Южный отряд Дагестанской экспедиции, под руководством Л. Б. Панек и при участии аспиранток М. В. Саидовой, К. И. Козловой и студентов, производил этнографическое изучение лезгин, рутулов и цахуров. Работа производилась в Ахтынском, Докузпаринском, Курахском и Касумкентском районах. Отрядом собран значительный материал по культуре и быту указанных народностей. Особо надо отметить материал по истории селений, старым формам социальных отношений, обычаям и обрядам. Работа Дагестанской экспедиции являет пример того, насколько целесообразно многолетнее планомерное этнографическое изучение определенной области.

Северокавказская фольклорная экспедиция работала под руководством докторанта Института этнографии Э. В. Гофман-Померанцевой; в экспедиции участвовали: языковед С. Г. Фирсова (МГУ), композитор Т. И. Ситников (Ростов н/Д), литературовед Г. Н. Оболдуев (ССП), доцент Ростовского университета Ф. В. Тумилевич и студенты того же университета. Экспедиция собирала фольклор у казаков-некрасовцев хутора Ново-Некрасовского Приморско-Ахтырского района Краснодарского края. Собранный материал (записано около 800 текстов былин, исторических и лирических песен и сказок) позволял подготовить к печати книгу, посвященную фольклору казаков-некрасовцев.

Аспирантки Н. С. Смирнова и Л. А. Зверева работали в Абхазской АССР, где собирали этнографический материал по темам их диссертаций.

Из экспедиций, посвященных изучению славянских народов, наиболее крупной являлась Закарпатская комплексная экспедиция. Она работала под руководством проф. П. Г. Богатырева в составе трех отрядов: этнографического, фольклорного и антропологического. Этнографический отряд в составе И. Ф. Симоненко (руководитель), Л. А. Динцеса, М. Д. Торэн, И. А. Прокопович, М. Н. Шмелевой и студентов вел в течение двух месяцев работу в селах Раховского, Хустского, Перечинского, Свалявского и В.-Березнянского округов. Обследование велось по обширной программе, охватывающей различные стороны культуры и быта населения. Богатый материал собран по одежде, жилищи, технике земледелия, ремеслам. Заслуживают внимания отмеченные в семейно-общественной организации пережитки так называемой патронимии, записи отряда по свадебным и похоронным обрядам, подготовленные И. Ф. Симоненко к печати. Собранный Л. А. Динцесом материал по народному изобразительному искусству позволили ему осветить некоторые вопросы древних связей населения Закарпатья.

Фольклорным отрядом, под руководством В. Ю. Крупянской в составе В. К. Соколовой, Б. Г. Гершкович, Л. Н. Пушкарева и студентов, были обследованы села Хустского, Перечинского и Свалявского округов. В задачи фольклорного обследования входило изучение современного состояния устно-поэтического творчества в его основных жанрах и обрядах. Собранный отрядом материал весьма значителен; записано около 2000 песен, 3500 коломыек, около 50 сказок, свадебные и похоронные обряды, обряды, связанные с народным календарем, и др. Особое внимание было уделено выяснению условий бытования сказки, реакции слушателей, возрастному репертуару сказочников.

Антропологический отряд, под руководством В. В. Бунака и при участии К. В. Архангельской и В. П. Якимова, производил антропологическое обследование украинского населения в округах Раховском, Хустском, Воловском, Воловецком, Свалявском, Мукачевском, В.-Березнянском, Перечинском и Береговском. Обследовано свыше 1000 чел. Собранный материал представляет значительный интерес для решения вопросов этногенеза западных украинцев.

В Закарпатской экспедиции принимал участие проф. Н. Б. Линтур, многим содействовавший успеху работ.

Докторант Института Л. Г. Бараг продолжал в 1946 г. собрание фольклорного материала в Пянской и Брестской областях. Как и во время своих прежних командировок, Л. Г. Бараг записывал в основном народные белорусские сказки и фольклор Великой отечественной войны. В. И. Чичеров руководил работой студентов по сборанию фольклора в Загорском районе Московской области, почти совершенно неизученном в фольклорном отношении. Собран значительный материал (лирические песни, хоревые и игровые песни, описание свадеб и свадебные песни по воспоминаниям колхозников, обряды и песни народного аграрного календаря, песни о Великой отечественной войне).

Весной 1946 г. завершала свою работу, начатую в 1945 г., комплексная экспедиция в Коми АССР под руководством Н. Н. Чебоксарова.

Следует указать еще на командировку Н. Н. Волкова для этнографического изучения вепсов в Шелтозерский район Карело-Финской ССР и командировку аспирантки Р. С. Левман в Молдавскую ССР для сбора антропологического материала. Н. Н. Волков собирал материал для подготавливаемой им этнографической монографии по вепсам, изучение которых он ведет уже ряд лет. Р. С. Левман собрал обширный материал (около 500 чел.) по антропологии молдаван.

Таково краткое изложение полевых работ Института этнографии в 1946 г. План 1947 г. предусматривает дальнейшее развитие экспедиционных работ и их концентра-

цию вокруг основных проблем, разрабатываемых Институтом. Экспедиционные отчеты 1946 г. будут опубликованы в очередных выпусках «Кратких сообщений» Института этнографии.

М. Левин

ЗАЩИТА ДИССЕРТАЦИИ В ИНСТИТУТЕ ЭТНОГРАФИИ

24 декабря 1946 г. защищены кандидатские диссертации окончившими аспирантуру Института А. И. Блиновым и Н. Ф. Такоевой. Диссертация А. И. Блинова, озаглавленная «Маорийские войны», представляет собой обширное (свыше 20 авт. лист.) историко-этнографическое исследование, имеющее целью, по выражению автора, «дать этнографию маорийцев в движении, попытаться нарисовать ее на фоне конкретной, движущейся истории», акцентируя внимание на событиях вооруженной борьбы маорийцев 1843—1872 гг. против Британской империи и на связанных с ней изменениях в их облике. Как указал официальный оппонент проф. С. П. Толстов, маорийские войны XIX в. представляют собой выдающееся явление в истории борьбы колониальных народов против европейских захватчиков. В течение 30 лет небольшой, экономически и культурно отсталый, но храбрый и свободолюбивый народ вел жестокую борьбу за свою землю и независимость против несравненно более сильной и высоко развитой державы, сумел в итоге добиться того, что новозеландское правительство оказалось вынужденным умирить свои аппетиты в отношении грабежа маорийских земель, предоставить маорийцам элементарные гражданские права и более сносные по сравнению с другими колониальными народами условия существования. Основная заслуга автора представленной работы, по мнению оппонента, состоит в том, что он сумел убедительно показать все значение этой героической страницы истории маорийского народа. Как проф. С. П. Толстов, так и второй оппонент, проф. В. К. Никольский, отметили ценность представленного диссертантом труда, который не только построен на обширном и мало известном материале, но и, будучи разработан на основе марксистской методологии, дает совершенно новое освещение исследуемому явлению. Особенно интересной, по мнению С. П. Толстова, является военно-историческая сторона работы, изобилующая подробными описаниями хода военных действий. Обилие приведенного в диссертации фактического материала, как отметил В. К. Никольский, сочетается с обилием выводов, внутренняя целостность работы — с живостью изложения. К работе приложен список литературы, включающий свыше 300 названий, в подавляющем большинстве на иностранных языках. Наряду с указанными положительными сторонами работы оппоненты отметили и ряд имеющихся в ней недостатков. Так, оппоненты считают не вполне удачной самую композицию работы, в которой вводная часть занимает слишком большое место, не оправданное целями исследования. С точки зрения С. П. Толстова глава, трактующая этнографию маорийцев в период войн, должна предшествовать описанию хода военных событий; неудачная композиция привела здесь к тому, что характер движения, особенно на первых его этапах, остался невыясненным. Недостаточно внимание уделено международно-политической стороне вопроса, в частности — деятельности колонизаторов в Новой Зеландии в связи с общей политикой европейских держав на Тихом океане. Подробно описывая события, автор не всегда отводит достаточно места их анализу. В работе не показана социальная сущность движения на различных его этапах, не вскрывается его внутренняя противоречивость, обусловленная противоречиями между национально-аграрным его содержанием и родоплеменной формой. Убедительно показывая, что одной из причин поражения маорийцев был переход части их на сторону англичан, а основной причиной — отсутствие единства их действий, диссертант не раскрыл исторической обусловленности этих явлений. Очень мало места отводит автор и анализу последствий маорийских войн. Оба оппонента возражают против данной автором характеристики социального строя маорийцев. Проф. Никольский считает, что диссертант слишком категорически отрицает наличие у них родовой организации; с точки зрения оппонента, при наличии у маорийцев патриархального рабства у них имела родовой община в стадии разложения. Возражения встретило истолкование диссертантом терминов «ванау», или «вангау», как переходной формы от большой к малой семье (а не патриархальной домашней общины, как полагает проф. Никольский), и «хапу» (или «гапу») как патриархальной общины, а не рода. По мнению проф. Никольского, диссертанту следовало бы уточнить и обосновать свою точку зрения на уровень экономического развития у маорийцев к моменту их первоначального знакомства с европейцами, который автор определяет как, «повидимому», среднюю ступень варварства. Выступивший в прениях проф. С. А. Токарев, не соглашаясь с возражениями официальных оппонентов, считает правильным данный диссертантом анализ общественных институтов и религиозных воззрений маорийцев. Вместе с тем, С. А. Токарев подчеркнул большое значение представленной работы, как первого марксистского исследования на данную тему, автор которого сумел восстановить подлинный ход собы-